товится нападение. Исходя из них его величество приказал всем командирам нескольких отрядов к полуночи вооружить своих людей и вывести их на пространство между палатками и ограждением. (Эта ограда была сделана из длинных деревянных брусьев, поставленных так, чтобы помешать внезапному вторжению сарацин в наш лагерь, но в землю они были вкопаны таким образом, чтобы пеший мог протиснуться между ними.) Приказ короля был исполнен в точности.

На восходе солнца тот сарацин, о котором я уже рассказывал, был выбран предводителем у наших врагов. Он бросил против нас добрых четыре тысячи воинов, которые окружили наш лагерь и образовали вокруг него кольцо; боевые порядки их растянулись от реки, что идет от Каира, и до той, что протекала через наш лагерь к городу Розетте. После этого они подвели огромное количество пеших сарацин, которые окружили наш лагерь так же, как и всадники. Поскольку тут были два войска, о которых я уже упоминал, то силы султана Каира стояли в готовности оказать поддержку, если потребуется.

После того как эта операция завершилась, вперед выехал предводитель сарацин, чтобы осмотреть расположение своих войск. Он был один, и под ним был небольшой коренастый конь. Как только он видел, что в каком-то месте наших сил больше, чем у него, он, возвращаясь, посылал туда подкрепление. Затем он послал к нашему лагерю между двумя реками, который охранял герцог Бургундский, самое малое три тысячи бедуинов. Сделал он это потому, что считал, король пошлет часть своих людей к герцогу и тем самым ослабит свои силы.

Подготовка заняла у сарацина время до полудня. Затем он отдал приказ бить в литавры, и тут же все их войска, конные и пешие, все скопом двинулись на нас. Первым делом я расскажу вам о короле Сицилии и Неаполя (в то время он еще был графом д'Анжу), потому что он был в передовых рядах нашего войска, на стороне, обращенной к Каиру. Враг вступил с ним в сражение так, как обычно играют в шахматы. Первыми в атаку пошли пешие, обрушив на наши войска греческий огонь. Затем все сарацины, конные и пешие, так нажали на наших людей, что будущий сицилийский король, который был пешим среди своих рыцарей, едва не потерпел поражение.

К королю Людовику прибыли гонцы сообщить о большой опасности, в которой оказался его брат. Услышав это, его величество, пришпорив коня, на полном скаку ворвался в гущу войск своего брата и с мечом в руке так далеко врубился в ряды сарацин, что они обожгли круп его коня «греческим огнем». Но таким порывом наш король спас будущего короля Сицилии и отбросил врагов от нашего лагеря.

Вслед за силами графа Анжуйского в бой вступил отряд барона д'Отреме под командой Гюи д'Эбелина и его брата Бодуэна; следующим был отряд Готье де Шатийона из отважных воинов, отмеченных своими рыцарскими подвигами. Эти два отряда защищались так отчаянно, что сарацины не смогли ни пробить их ряды, ни заставить их отступить.

Следующим встретил натиск врага брат Гийом де Сенак, настоятель ордена, вместе с несколькими членами его ордена, оставшимися у него после битвы в Прощеную среду. Перед фронтом своих сил он возвел баррикады из машин, которые мы отбили у сарацин. Приблизившись, враг, готовясь атаковать, ударил по обороне Сенака «греческим огнем». Баррикада сразу же занялась пламенем, потому что, возводя ее, храмовники использовали много сосновых досок. Сарацины, должен сказать, не стали дожидаться, пока все выгорит дотла, но атаковали и сошлись с храмовниками прямо среди пламени. В этой схватке настоятель ордена потерял глаз; а другой уже был потерян в битве в Прощеную среду. Все это кончилось смертью де Сенака – да помилует его Господь! За храмовниками тянулся участок земли, размером такой, какой пахарь может вспахать за день, и он был настолько густо засыпан сарацинскими стрелами, что под ними земли не было видно.

За храмовниками в дело вступили силы во главе с Гюи Мовуазеном, и их сарацины также не смогли одолеть. Тем не менее они обрушили на Гюи Мовуазена такой поток «греческого огня», что его с трудом удалось потушить.

Начиная с того места, где стоял Гюи Мовуазен, ограда уходила вниз к реке на расстояние броска камня. Отсюда она шла перед фронтом войск, которыми командовал граф Гийом Фландрский, и тянулась вплоть до впадения реки в море. Наш отряд прикрывал ограду на той же стороне, что и Гюи Мовуазен, но, поскольку люди графа Фландрского стояли прямо напротив сарацин, те не осмеливались напасть на нас. Господь обошелся с нами весьма милостиво, потому что и я, и мои рыцари не могли ни носить кольчуги, ни прикрываться щитами из-за ранений, полученных нами в Прощеную среду.